

ББК 83.3(2)
УДК 821.161.1.0

Н. В. Патроева¹

*Петрозаводский государственный университет
nvpatr@list.ru*

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕМА В ПОЭЗИИ Н. М. ЯЗЫКОВА:
К ПРОБЛЕМЕ РЕЦЕПЦИИ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
Н. М. КАРАМЗИНА И А. С. ПУШКИНА²**

Творчество яркого представителя пушкинской плеяды Николая Михайловича Языкова в аспекте исторической темы исследовалось очень мало. Между тем сюжеты из российской истории нередко становились в поэзии Н. М. Языкова основой самобытного художественного замысла. Целью данной статьи является историко-литературоведческий анализ песен и баллад Н. М. Языкова в аспекте рецепции произведений Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина на историческую тему.

Сопоставительный метод, применяемый автором статьи, позволяет прийти к ряду заключений, касающихся воплощения темы исторического прошлого в поэзии Н. М. Языкова. В 1820-е годы Языков пишет две «ливонские поэмы» «Ала» и «Меченосец Аран», «Военную новгородскую песню 1170 года», несколько «песен» Баяна и барда, обращается к жанру исторической баллады.

Анализ баллад Н. М. Языкова «Евпатий», «Олег», «Кудесник» выявляет тесную связь их сюжетов с «Историей государства Российского». Вслед за Н. М. Карамзиным Н. М. Языков отбрасывает как сомнительную версию смерти Олега «от коня своего». Творческая переработка изложенных Н. М. Карамзиным сведений о деяниях первых князей Киевской Руси и явная переключка языковской баллады «Кудесник» с пушкинской «Песней о вещем Олеге» позволяют прийти к выводу о зеркальном перевертывании исторической ситуации, воплощенной А. С. Пушкиным.

¹ Патроева Наталья Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168.

Допетровскую Русь молодой Н. М. Языков, будущий ярый сторонник славянофильских идей, считает неиссякаемым источником примеров славных подвигов во имя беззаветной любви к отечеству.

Ключевые слова: тема допетровской Руси в лирике, баллада, песнь барда

История народа принадлежит поэту.

А. С. Пушкин

Введение

В развитии русской словесности первой половины XIX столетия отчетливо проявляется доминанта исторической литературы. Вспыхнувшим интересом к богатому прошлому России и национальному самосознанию русская литература эпохи романтизма обязана прежде всего произведениям Н. М. Карамзина, романтическим поэмам, драме и прозе А. С. Пушкина: именно в эпоху Карамзина и Пушкина русская история была впервые глубоко осмыслена (разумеется, не без влияния западноевропейской философской мысли, и прежде всего Вико и Гердера), и это пробуждение интереса к национальному прошлому с наибольшей силой отразилось не столько в специальных исторических разысканиях, сколько в художественной литературе романтической поры¹.

Если воплощение исторической тематики в произведениях Пушкина, поэтов-декабристов, Лермонтова часто оказывалось предметом литературоведческих наблюдений, то вклад Н. М. Языкова в разработку сюжетов отечественной истории остается во многом до сих пор недооцененным², несмотря на то что внимание к национальному прошлому не ослабевало у Языкова на протяжении всей его творческой деятельности. Целью предлагаемой вниманию уважаемого читателя статьи является анализ используемых Н. М. Языковым в его лирике дерптского и московского периодов сюжетов из русской и европейской истории в аспекте их тесной

¹ Русская литература XVIII века была поглощена описанием современных ей грандиозных событий, связанных с реформаторской деятельностью Петра I, и нечасто оглядывалась на былое. Создавая образы героев прошлого, писатели-классицисты оставались один на один с океаном не осмысленных еще историками фактов: до появления с 1804 по 1826 года. 12 томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина прошлое русского народа не получило обобщающего многовековой опыт и доступного заинтересованному читателю воплощения – собрания увлекательных и опирающихся на богатый летописный материал рассказов, передававших «цвет и запах» минувшего.

² Исключение здесь составляют немногочисленные работы, среди которых, например: [1].

взаимосвязи с историческим сочинением Н. М. Карамзина, стихотворными произведениями А. С. Пушкина и – шире – поэзией русского «оссианизма».

Исторические штудии дерптского периода

Уже самые ранние опыты Н. М. Языкова, приехавшего в Дерпт в 1822 г. для продолжения университетских штудий, свидетельствуют, что интерес к истории для уже осознавшего себя поэтом девятнадцатилетнего юноши оформился в серьезную творческую программу: так, в письме брату Александру от 22 октября 1822 года, отнесшемуся скептически к увлечению Николая Языкова историей, адресант – дерптский студент полемически замечает: «...вовсе не раскаиваюсь в моих чувствованиях к старине Русской; я ее люблю и не согласен с тобою в том, что она весьма бедна для поэта; где же искать вдохновения, как не в тех веках, когда люди сражались за свободу и отличались собственным характером. Притом же воспевать старинные подвиги русских – не значит перелагать в стихи древнюю нашу историю; историческое основание не помешает поэту творить, а, напротив, придает еще некоторую особенную прелесть его вымыслам, усиливает его идеи...» [7, 29].

Содержащийся в этом письме своего рода литературный манифест начинающего поэта находит подтверждение и в строках послания «Языкову А. М., при посвящении ему тетради стихов моих» (1822 г.):

Быть может, некогда твой счастливый поэт,
Беседуя мечтой с протекшими веками,
Расскажет стройными стихами
Златые были давних лет;
И, вольный друг воспоминаний,
Он станет петь дела отцов:
Неутомимые их брани
И гибель греческих полков,
Святые битвы за свободу
И первый родины удар
Ее громившему народу,
И казнь ужасную татар.
И оживит он – в песнях славы –
Славян пленительные нравы:
Их доблесть на полях войны,
Их добродушные забавы
И гений русской старины
Торжественный и величавый! [10, 69–70].

Н. В. Патрова

На протяжении всего 1822 года, еще до имматрикуляции, Языков читает, наряду с художественными произведениями российских и зарубежных авторов на историческую тему (Озерова, Пушкина, Шекспира, Скотта и др.), труды по всеобщей и отечественной истории: «Сокращенную русскую историю» Строева, «Всеобщую историю» Кайданова, «Историю Малороссии» Каменского, «Историю тридцатилетней войны» Шиллера. За время обучения в Дерптском университете, с мая 1823 по сентябрь 1830 г., Языков, как об этом сказано в свидетельстве об образовании, «с большим прилежанием прослушал <...> курсы <...> по энциклопедии философских наук... русской истории (дважды), средневековой истории, новейшей истории Европы, истории Руссов, о современном состоянии европейских государств, истории европейских государств... римским древностям, истории живописи и архитектуры у древних народов, эстетике, истории русской литературы» [цит. по: 11, 54] и прочие дисциплины. В эти же годы Языков, помимо слушания лекций, расширяет свои познания в области всеобщей и отечественной истории, с увлечением штудировав сочинения Малле «Введение в историю датскую», Рюса «История средних веков», Роттека «Всеобщая история», Далина «История Швеции», труды Сегюра, Манштейна, Лерберга, Гасселя, Гиббона, Лебо, Ренуара и др. Но особый интерес вызвали только что вышедшие из печати тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. В своих письмах родным Н. М. Языков часто восторженно отзываясь об этом произведении как о богатом кладезе «хороших материалов для романиста исторического» [7, 88]. Так, в письме от 2 марта 1824 г. поэт замечает: «Между тем жду с нетерпением X и XI томов Карамзина: в них-то, судя по IX, должен явиться он в полном блеске» [7, 119]. В 1824 г. Н. М. Языков по рекомендации К. Ф. Рыльева вступил в «Вольное общество любителей российской словесности», многих членов которого, как и юного Языкова, привлекали события, связанные с национально-освободительным движением славян и иных народов: подвиги героев должны были вдохновлять потомков, прививать им любовь к родине и ненависть к ее тиранам и поработителям, воспитывать гражданское самосознание.

Жанр «Баяновых песен» в ранней лирике Языкова

Молодого Языкова более всего интересовала эпоха первых князей, а также татаро-монгольское нашествие и борьба древних русичей с иноземными захватчиками. Именно «долефортовскую Русь» поэт считал кладезем образцов свободолюбия и беззаветной любви к отчизне. Стихотворения, написанные между 1823 и 1833 годами

(«дерптский» период творчества, завершившийся выходом первого сборника стихотворений Языкова), насыщены патриотическими и тираноборческими мотивами, сближающими лирику Языкова с литературными опытами поэтов-декабристов, и практически лишены сюжетного начала: Языков обращается к своеобразному жанру «песен баянов и бардов на поле битвы», получившему довольно широкое распространение в гражданской поэзии 1810-20-х годов («Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского, «Бард на поле битвы» А. С. Шишкова, «Нашествие Мамаю (Песнь Баяна)» В. Григорьева, «Баян на Куликовом поле» В. Розальон-Сошальского и др.). У истоков этого жанра, как и «дум» К. Ф. Рыльева, стоял «Оссиан» Макферсона, представленный в России множеством переводов и подражаний [см.: 2, 64–66]¹ с характерными мотивами воспоминания о минувшей славе праотцов, сожаления о ее мимолетности, об утраченной свободе и вольном духе предков, с поучительными примерами мужества и патриотизма.

Первые две «песни Баяна» («Люблю смотреть на месяц ясный...» и «Война, война! Прощай, Сияна!...»), созданные Языковым в 1823 году, свидетельствуют об отступлении от сложившейся традиции, представлявшей легендарного барда седым старцем: языковский певец-воин молод и поет о своей любви и победах киевских дружин под водительством Святослава Игоревича. Выбор времени² лирического события совершается, вероятно, под влиянием одного предположения, высказанного Н. М. Карамзиным в «Пантеоне российских авторов» (1802 г.): «...может быть, жил Баян во времена героя Олега; может быть, пел славный поход сего аргонавта к Царьграду, или несчастную смерть храброго Святослава, который с горстию своих погиб среди бесчисленных печенегов...» [5, 100].

Образ языковского Баяна, конечно же, лишен каких бы то ни было конкретно-исторических деталей, за исключением указания на время действия, и его песнь скорее напоминает элегическую жалобу-монолог в разлуке с возлюбленной, чем боевую песню-славу:

¹ Жанр песни барда или баяна получил широкое распространение также не без влияния и еще одной, помимо макферсоновской, мистификации, принадлежавшей А. И. Сулакадзеву, – стилизованного псевдоязыческого («рунического») текста «Гимн Бояна», опубликованного Г. Р. Державиным в 1812 году в журнале «Чтения в Беседе любителей Русского слова».

² В представлении, например, поэтов-декабристов Рыльева («Баян») и Катенина («Певец»), легендарный бард жил в эпоху князя Владимира.

Н. В. Патрова

С врагом сражаяся, как деды,
Рукой и сердцем славянин,
Я наши стану петь победы
И смелость князя и дружин.

И твой Баян, пируя славу,
Под медью лат дыша тобой,
Там повторю я Святославу,
Что пел Сияне молодой [10, 108].

В том же 1823 году Н. М. Языковым были написаны еще два стихотворения – «Песнь барда во время владычества татар в России» и «Баян к русскому воину при Дмитрие Донском, прежде знаменитого сражения при Непрядве», в которых исторический колорит служит только условным фоном, одеянием, облакающим вольнолюбивые и тираноборческие мотивы, свойственные русской лирике в канун выступления декабристов:

Где вы, краса минувших лет,
Баянов струны золотые,
Певицы вольности и славы, и побед,
Народу русскому родные?

<...>

И вы сокрылися, века полночной славы,
Побед и вольности века!

<...>

Столетия протекут – и русской меч не грядет
Тиранства гордого о меч.
Неутомимые страданья
Погубят память об отцах,
И гений рабского молчанья
Воссядет, вечный, на гробах. [10, 89–90]

Твои отцы славяне были,
Железом страшные врагам

<...>

На бой, на бой! – И жар баянов
С народной славой оживет,
И арфа смелых пропоет:
«Конец владычеству тиранов:
Ужасен хан татарский был,
Но русской меч его убил!» [10, 91]

Интересно, что в качестве эпиграфа для одной из песен Языков выбирает строки «Слова о полку Игореве» («О! стонати русской земле, помянувшее прввую годину и прввых князей»): в художественном сознании писателей-романтиков переплетаются, сопрягаются образы макферсоновского барда Оссиана и Бояна из «Слова».

Дальнейшее развитие образ легендарного певца получает в «Усладе» (1823 г.), первоначально имевшем заглавие «Баян. Отрывок из большой поэмы», – таким образом, Услад замышлялся автором как поэма, и еще в декабре 1822 г. Языков высказывал в одном из писем желание «написать небольшую повесть в стихах, которой содержание будет взято из древней русской истории» [7, 100]. В «отрывке из целого» автор погружает читателя в атмосферу 970-х годов – времени походов Святослава на Византию. Вдохновляя уставших от похода и сражений воинов:

Баян поет могучих праотцов,
Их смелый нрав, их бурные сраженья,
И силу рук, не знающих оков,
И быстроту их пламенного мщенья.
Как звук щита, и ратным, и вождам
Отраднa песнь любимца вдохновенья:
Их взор горит, их мысль блуждает там,
Где билась рать отважного Олега,
Где Игорев булат торжествовал —
И гордый грек бледнел и трепетал,
Послыша гром славянского набег.

<...>

Несносен отдых Святославу:
Он жаждет битвы роковой.
О ночь, о ночь, лети стрелой!
Несносен отдых Святославу!

Цимисхий! крепок ли твой щит?
Не тонки ль кованые латы?
Наш князь убийственно разит.
Цимисхий! крепок ли твой щит?
Не тонки ль кованые латы?

<...>

Ты рать обширную привел;
Немного нас, но мы славяне! [10, 108–109]

Поэма о Баяне осталась незавершенной: отчасти в силу ощущавшегося юным поэтом недостатка знаний о быте, обычаях,

нравах «тогдашних греков», отчасти в связи с тем, что Языкова вскоре захватила иная идея – создать поэму на тему из ливонской истории, также популярную у писателей декабристского лагеря: «Отсутствующий в русской старине мир рыцарского средневековья был найден в Ливонии... Феодальная пора Ливонии оказалась тем долгожданным отечественным рыцарским средневековьем, о котором мечтали романтики» [3, 155].

«Ливонские» и «новгородские» сюжеты

В 1824 году Языков пишет стихотворение «Ливония», представляющее собой вступление к задуманной им поэме (вероятно, к «Меченосцу Арану»), подтверждение чему содержится в письме братьям от 6 апреля 1824 г.: «Стихи, о которых здесь ведутся слова, составляют предисловие к еще не существующей повести о ливонских рыцарях; ее напишу, когда будет у меня более времени, и напишу непременно... Теперь занимаюсь чтением Ливонских историй, чтоб поближе познакомиться с нравами и обычновениями рыцарей, долженствующих явиться в свет русской литературы в стихах моей музы» [7, 123]. Приведем несколько строк «Ливонии»:

Не встанешь ты из векового праха,
Ты не блеснешь под знаменем креста,
Тяжелый меч наследников Рорбаха,
Ливонии прекрасной красота!
Прошла пора твоих завоеваний,
Когда в огнях тревоги боевой,
Вожди побед, смирители Казани,
Смирялися, бледнея, пред тобой!

<...>

Несмелый внук ливонца удалого
Глядит на ваш красноречивый прах...
И нет в груди волнения живого,
И нет огня в бессмысленных очах!

Таков ли взор любимца вдохновенья,
В душе его такая ль тишина,
Когда ему, под рубищем забвенья,
Является святая старина?
Исполненный божественной отрады,
Он зрит в мечтах минувшие века [10, 131].

В течение 1824–1825 г. Языков начинает сразу две «ливонские» поэмы: «Ала» (время действия – конец XVII века, эпоха борьбы

ливонского дворянства под предводительством Паткуля против Швеции¹ и «Меченосец Аран» (о событиях XIII века – времени основания и укрепления ордена Меченосцев в Ливонии и сражении на Чудском озере). В обеих поэмах действуют как исторические, так и вымышленные герои, но вторая из них лишена любовной коллизии: в написанной части, посвященной описанию боя с «врагами Христа» на Чудском озере, молодой рыцарь Аран тяжело ранен, и трудно предположить, как далее должно было развиваться действие. Намерения завершить «ливонские» поэмы, от которых остались лишь лирические вступления и пейзажные фрагменты, так и не были исполнены, и дело здесь, вероятно, не столько в отсутствии у начинающего поэта обширных познаний в области истории средневековой Европы, сколько в явном преобладании у молодого Языкова лирического дарования и эмоционального начала над эпическим, повествовательным.

Увлечшись ливонской темой. Языков не оставляет разысканий в отечественных древностях. Так, в начале 1825 года созревает замысел цикла «Новгородских песен», однако попытка напечатать первую из них натолкнулась на сопротивление цензуры. В письме от 19 мая 1825 г. поэт сообщает брату: «У меня готово канвы ещё на три новгородские песни, но писать их незачем: если уже первая не прошла сквозь тиски цензуры, то следующие и подавно» [7, 186]. Когда Языков писал эти строки, он, видимо, еще не знал, что его «Военная Новгородская песня 1170 года» уже напечатана в болгаринской «Северной пчеле», хотя и с некоторыми исправлениями цензурного порядка.

Новгород как очаг славянской вольности и образец вечевоего уклада часто становился предметом внимания российских литераторов (например, «Марфа-посадница» Сумарокова, «Вадим Новгородский» Княжнина, «Марфа-посадница, или Покорение Новагорода» Карамзина, «Вадим Новгородский» Жуковского, «Вадим» Рыльева,

¹ В «Приписке к отрывку “Ала”» 1824 г. читаем:

Давно я начал мой рассказ,
Давно мечтою вдохновенной
Его я создал в голове,
Ему длина тетради в две,
Предмет – девица, шум военный,
Любовь и редкости людей;
Наш Петр, гигант между царей,
Один великий, несравненный,
И Карл, венчанный дуралей –
Неугомонный, неизменный,
С бродяжной славою своей. [10, 144]

Н. В. Патрочева

«Марфа, посадница Новгородская» Погодина, «Вадим» Хомякова и др.). Языков, как и его предшественники и современники на писательском поприще, поэтизирует эпоху новгородской вольности, но выбирает для своей песни не широко известные сюжеты борьбы полулегендарного Вадима Храброго или покорения Новгорода Иоанном III, а редко упоминаемый, полузабытый эпизод – сражение новгородцев с войском Андрея Боголюбского в 1170 г., когда свободолюбивые «потомки бойцов Ярослава», сделав удачную вылазку, разбили наголову и обратили в бегство приведенную князем Андреем рать.

Жанр исторической баллады в ранней лирике Языкова

В 1820-е годы Языков обращается и к жанру исторической баллады: «Евпатий» 1824 г., «Олег» 1826 г., «Кудесник» 1827 г. Правда, баллады его лишены типичного для этого жанра фантастического, «чудесного», элемента (вспомним опыты Жуковского): сюжеты языковских баллад подсказаны реальными историческими событиями, отраженными в летописях и изложенными в «Истории государства Российского» Карамзина. В основу «Евпатия», например, положен эпизод, известный по «Повести о разорении Рязани Батыем» – героическая гибель Евпатия Коловрата во время битвы с войском Батя под Рязанью:

Шумят и волнуются ратники хана;
Оружие блещет, труба дребезжит,
Толпы за толпами, как тучи густые,
Дружину отважных стесняют кругом;
Сто копий сражаются с русским копьём...
И пало геройство под силой Батя.

Редает ночного тумана покров,
Утихла долина убийства и славы.
Кто сей на долине убийства и славы
Лежит, окруженный телами врагов?
Уста уж не кличут бестрепетных братьев,
Уж кровь запеклася в отверстиях лат,
А длань еще держит кровавый булат:
Сей падший воитель свободы – Евпатий! [10, 136]

В центре баллады «Олег» – описание погребального обряда и тризны Игоревой дружины, вспоминающей славные дела умершего князя, мудрого и любимого народом правителя, укрепившего и возвысившего Русь. Стихотворение увидело свет вскоре после

коронации императора Николая I, и, возможно, Языков, следуя традиции «похвальных» од XVIII столетия, стремился представить Олега в качестве исторического примера¹ для нового государя, используя в качестве сюжетной основы жизнеописание князя, излагаемое в «Истории» Карамзина с опорой на «Повесть временных лет». Версию напророченной волхвом смерти Олега «от коня своего» Языков, вслед за автором «Истории государства Российского» отбрасывает как сомнительную² и уделяет внимание подробному и исторически достоверному описанию погребального обряда: заклание коня, «общественный пир» с круговой чашей, тризна³ («свершить на могиле потешную драку воители строятся в строй» [10, 230]), песнь баяна, воздающего хвалу деяниям Олега.

Многokrатно упоминающийся в тексте баллады образ «золотого и заветного стакана» превращается под пером Языкова в символ единения народа и власти:

Волнуясь, могилу народ окружал,
Как волны морские, несметный;
Там праздник надгробный сам князь начинал:
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный,
Он в память Олегу его выпивал;
И вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом
Ходил золотой и заветный стакан [10, 229–230].

Описывая народное горе, Языков, вероятно, ориентировался на следующее замечание Карамзина: «...народ стенал и проливал слезы. Что можно сказать сильнее и разительнее в похвалу государя умершего? Итак, Олег не только ужасал врагов, он был еще любим своими подданными. Воины могли оплакивать в нем смелого, искусного предводителя, а народ защитника» [4, 121].

Баллада «Кудесник» отсылает читателя к событиям второй половины XI века, описанным в «Новгородской летописи»

¹ Некоторые исследователи высказывают мысль о внутренней полемичности языковского «Олега» и «Песни о весте Олеге» Пушкина: на могиле Олега закалывают его коня, а вдохновенный певец славит подвиги Олега» [6, 94–95]; (см. также: [8, 91]).

² «Можем верить или не верить, что Олег в самом деле был ужален змеею на могиле любимого коня его, но мнимое пророчество волхвов, или кудесников, есть явная народная басня...» [4, 120–121])

³ «Под словом “тризна”... надо понимать, конечно, не поминальный пир по умершему (носивший название “стравы”), а боевые игры, ристания, особые обряды, призванные отогнать смерть от оставшихся в живых, демонстрировавшие их жизнеспособность» [9, 87].

и пересказанным почти дословно Карамзиным [4, глава IV]: в 1071 г. новгородский князь Глеб убил волхва из Чуди, проповедовавшего языческие суеверия и хулившего христианство. В самом сюжете языковского стихотворения вновь, как и в «Олеге», прослеживаются явные переключки с пушкинской «Песнью о вешем Олеге»¹, однако изображенная Пушкиным ситуация оказывается зеркально перевернутой: вопрос, который в «Песне о вешем Олеге» задает волхву князь, касается теперь судьбы чародея; погибает не князь, по пророчеству кудесника, а пришелец из Чуди – от княжеского топора. Если у Пушкина волхв – вдохновенный и смелый пророк, которому доступно высшее знание, языковский чародей – внушитель соблазна и злобный обманщик, он

Народу о черных крылатых духах,
О многих и страшных своих чудесах
Тверди и руками разводит;
Святителей, церковь и святость мощей,
Христа и пречистую деву поносит;
Он сделает чудо – и добрых людей
На чудо пожаловать просит.

Он сладко, хитро празднословит и лжет,
Смущает умы и морочит:
Уж он-то потешит великий народ,
Уж он-то кудесник чрез Волхов пойдет
Водой – и ноги не замочит.
Вот вышел епископ Феодор с крестом
К народу – народ от него отступился;
Лишь князь со своим правоверным полком
К святому кресту приложился [10, 250].

И вот уже новгородцы прельстились чудесами пришельца из Чуди, князь же Глеб остается твердым хранителем веры и рассеивает иллюзии сограждан, наказывая мнимого пророка², не сумевшего предсказать собственный конец:

¹ Ср.: «Скажи мне, кудесник, любимец богов, / Что сбудется в жизни со мною?» (Пушкин) и «Кудесник! скажи мне, что будет с тобой?» (Языков); «Кудесник, ты лживый, безумный старик!» (Пушкин) и «Безумный старик, Соглал ты!» (Языков).

² Ср. с интерпретацией основной идеи «Кудесника» в книге С. Рассадина: «...Языков трезвее и жестче летописца воспринял и смысл рассказанной истории, и решение князя. Его симпатия и антипатия распределены не между верою и неверием или православием и язычеством, а между властью – и своеволием, своемыслием. Не сила веры решает

И вдруг к соблазнителю твердой стопой
Подходит он, грозен и пылок;
«Кудесник! скажи мне, что будет с тобой?»
Замаялся кудесник и – сам он не свой,
И жметя и чешет затылок.
«Я сделаю чудо». – «Безумный старик,
Солгал ты!» - и княжеской дланью своею
Он поднял топор свой тяжелый – и в миг
Чело раздвоил чародею [10, 250].

Возможно, на выбор Языковым именно этого летописного эпизода (князь уничтожает пришедшую на Русь из Чуди, то есть с Запада, заразу) повлияло наметившееся уже довольно отчетливо к концу 1820-х годов умонастроение, которое приведет поэта по приезду из Дерпта в Москву в 1829 г. к сближению с писателями московского салона Елагиных – Киреевских, многие из которых станут позднее идеологами слявянофильства: П. В. и И. В. Киреевскими, И. С. и К. С. Аксаковыми, А. С. Хомяковым, С. П. Шевыревым, М. П. Погодиным и др.

Сюжеты библейской и российской истории в зрелой лирике Н. Языкова

В произведениях 1830-40-х годов муза Языкова становится серьезнее, глубже, мудрее, усиливается роль сюжетного начала. К числу творческих достижений второго этапа следует отнести овладение эпическим стилем: в 1844 г. увидела свет поэма «Отрок Вячко», рассказывающая о нападении печенегов на Киев (968 г.) во время пребывания князя Святослава в Болгарии¹.

В произведениях московского периода Языков все чаще обращается к ветхозаветной истории, библейским образам и мотивам («Самсон», «Землетрясение»). Интерес к ветхозаветным сюжетам зародился у Языкова, однако, еще в дерптский период. Так, в одном из писем 1825 г. юный поэт признался, что в нем возросло желание заглядывать в Библию: «...теперь читаю пророчества Исайи – и очень

спор, а сила власти; топор, а не Божье слово (епископ Федор, как и летописец, бессилен...). И Языков безраздельно с властью, с силой, с топором» [8, 98].

¹ Этот летописный рассказ передает в первом томе своей «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин: когда печенеги осадили Киев, Ольга вместе с детьми Святослава заперлась в городе. На другой стороне Днепра, не подозревая о нападении печенегов, стоял с немногочисленной дружиной воевода Претич. Одному смелому юноше удалось пробраться из Киева к Претичу и сообщить ему об осадном положении города. Воевода двинулся на Киев, и печенеги, приняв его дружину за отряд возвращающегося Святослава, в страхе отступили.

Н. В. Патрова

рад: это истинное наслаждение; в них в тысячу раз более поэзии, высокого и разительного, нежели во всех современных наших поэтах» [7, 196].

Одно из последних стихотворений Н. М. Языкова – «Стихи на объявление памятника историографу Н. М. Карамзину» – наполнено строками благодарности великому русскому писателю, «почтенному собеседнику простосердечной старины»:

Сказанья праотцов судил он нелукаво,
Он прямодушно понимал
Родную нашу Русь, – и совершил со славой
Великий подвиг: написал
Для нас он книгу книг: – и ясною картиной
В ней обновилась старина [10, 405].

Многие похвальные стихи этого произведения можно отнести и к самому Языкову, лучшее в творческом наследии которого и поныне сохраняет свое непреходящее значение, уча потомков неиссякающей любви к Отечеству, уважению к его славной и трагической истории:

Великий подвиг свой он совершил со славой!
О! сколько дум рождает в нас,
И задушевных дум, текущий величаво
Его пленительный рассказ...
Он будит в нас огонь прекрасный и высокий,
Огонь чистейший и святой,
Уже недвижимый в нас, заглохший в нас глубоко
От жизни блудной и пустой,
Любовь к своей земле. Нас, преданных чужбине,
Красноречиво учит он
Не рабствовать ее презрительной гордыне,
Хранить в душе родной закон,
Надежно уважать свои родные силы,
Спасенья чаять только в них,
В себе, – и не плевать на честные могилы
Могучих прадедов а своих! [10, 407]

Заключение

Стихотворные опыты Н.М. Языкова насыщены историческими аллюзиями и прецедентными именами, свидетельствующими о не иссякшем на протяжении всего творческого пути внимании поэта к теме минувшего и поискам культурно-исторических истоков самобытного национального характера. Привитый чтением

исторической литературы, и прежде всего карамзинских сочинений, интерес к славному и трагическому прошлому России обусловил постоянные поиски Языкова в жанрах «Баяновой песни», исторической баллады и героической поэмы, а также заочный завуалированный спор с пушкинской трактовкой сюжета о «вещем Олеге». Лирическое начало языковской музыки всегда одерживало верх над эпическим, однако «необщее выражение» поэзии Языкова во многом обязано ранним дерптским историческим штудиям и поздним славянофильским устремлениям московского периода.

Литература

1. Абашева, Д. В. «Я здесь беседую с минувшими веками...»: историческая память в лирике Н. М. Языкова / Д. В. Абашева // Вестник славянских культур. – 2014. – № 1 (31). – С. 93–101.
2. Иезуитова, Р. В. Поэзия русского классицизма // Русская литература / Р. В. Иезуитова. – 1965. – № 3. – С. 53–74.
3. Исаков, С. Г. О ливонской теме в русской литературе 1820-1830-х годов / С. Г. Исаков // Ученые записки Тартуского государственного университета. – 1960. – Вып. 98. – С. 143–190.
4. Карамзин, Н. М. История государства Российского: в 3 кн. / Н. М. Карамзин. – М.: «Книга», 1988. – Кн. 1. – 701 с.
5. Карамзин, Н. М. Соч.: в 2 т. / Н. М. Карамзин. – Л.: Худож. лит., 1984. – Т. 1: 671 с., – Т. 2: 455 с.
6. Коровин, В. И. Поэты пушкинской поры / В. И. Коровин. – М.: Просвещение, 1980. – 160 с.
7. Петухов, Е. В. [Ред.] Письма Н. М. Языкова родным за дерптский период его жизни. – СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1913. – 502 с.
8. Рассадин, С. Спутники / С. Рассадин. – М.: Сов. писатель, 1983. – 312 с.
9. Рыбаков, Б. Язычество древних славян / Б. Рыбаков. – М.: Наука, 1981. – 790 с.
10. Языков, Н. М. Полн. собр. стихотворений / Н. М. Языков. – М.; Л.: Сов. писатель, 1964. – 706 с.
11. Языкова, Е. Творчество Н. М. Языкова / Е. Языкова. – М.: Просвещение, 1990. – 144 с.

REFERENCES

1. Abasheva, D. V., "I'm here talking with past centuries...": Historical memory in lyrics N. M. Yazykov] // Vestnik slavianskikh kul'tur. –2014. – Vol. 1 (31). – Pp. 93–101.
2. Iezuitova, R. V. Poetry of Russian Ossianism. Russkaya literatura [Russian literature]. – 1965. – № 3. – Pp. 53–74.
3. Isakov, S. G. On the Livonian theme in Russian literature of the 1820-1830s. Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Tartu State University]. – 1960. – Vol. 98. – Pp. 143–190.
4. Karamzin, N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo: kniga 1 [History of the Russian state: book 1]. – Moscow, 1988. 701 p.
5. Karamzin, N. M., Sochineniya [Works]. – Leningrad: Hudozhestvennaja literatura, 1984.
6. Korovin, V. I. Poety pushkinskoi pory [Poets of Pushkin's time]. – Moscow: Education, 1980.
7. Petuhov, E. V., ed, Pis'ma N. M. Yazykova rodnym za derptskaa period ego zhizni [Letters N. M. Yazykov to his family during the Derpt period of his life.]. – St. Petersburg, 1913.
8. Rassadin, S. Sputniki [Satellites]. – Moscow: Soviet writer, 1983.
9. Rybakov, B. Yazychestvo drevnikh slavyan [Paganism of the ancient Slavs]. – Moscow: Science, 1981.
10. Yazykov, N. M., Polnoe sobranie stikhotvorenii [Complete collection of poems]. – Moscow, Leningrad, 1964.
11. Yazykova, E., Tvorchestvo N. M. Yazykova [Creativity of N.M. Yazykov]. – Moscow, 1990.

THE HISTORICAL THEME IN THE POETRY OF N. M. YAZYKOV: TO THE PROBLEM OF THE RECEPTION OF THE CREATIVE HERITAGE OF N. M. KARAMZIN AND A. S. PUSHKIN

Patroeva Natalia Victorovna

Doctor of Philology, Professor, Head of Russian Language Department,
Petrozavodsk State University
(Republic of Karelia, Russia)

Abstract

The aspect of the historical theme in the work of the bright representative of the Pushkin pleiad, Nikolai Mikhailovich Yazykov, has been studied little. Meanwhile, the plots from Russian history often became the basis of the original artistic design in the Yazykov's poetry. The purpose of this article is the historical and literary analysis of the songs and ballads

by N. M. Yazykov in the aspect of the reception of the works of N. M. Karamzin and A.S. Pushkin on the historical theme.

The comparative method used by the author of the article allows us to come to a number of conclusions concerning the embodiment of the theme of the historical past in the poetry of N. M. Yazykov. In the 1820s Yazykov wrote two "Livonian poems" "Ala" and "The Swordsman Aran", "The Military Song of Novgorod in 1170", several "songs" of Bayan and the bard, referring to the historical ballad genre.

The analysis of N. M. Yazykov's ballads, "Yevpaty", "Oleg", "The Magician", reveals a close connection of their subjects with "the History of the Russian State". Following N.M. Karamzin, N. M. Yazykov considers the death of Oleg "from his horse" a dubious version. N. M. Karamzin's creative remaking of the information about the deeds of the first princes of Kievan Rus and the apparent interchange of N. M. Yazykov's "The Magician" with Pushkin's "Song of the Prince Oleg" allow us to conclude that there was a mirroring turning over of the historical situation embodied by A.S. Pushkin.

Young Yazykov, a future ardent supporter of Slavophil ideas, considers pre-Petrine Russia as an inexhaustible source of the examples of the glorious feats in the name of a wholehearted love for the fatherland.

Keywords: the theme of pre-Petrine Russia in the lyrics, a ballad, a song of a bard

Получена 16.09.2019